

ПРЕСТИЖ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Г. З. Ефимова^а, М. В. Грибовский^б

*^а Тюменский государственный университет
Россия, 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6;
g.z.efimova@utmn.ru*

*^б Томский государственный университет
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36*

Аннотация. Статья посвящена исторической ретроспективе профессионального престижа университетского преподавателя в России и критериям оценки его современного состояния. Цели исследования: установить «слагаемые» престижа профессии в предыдущие исторические эпохи и выявить отношение современных преподавателей к своей профессии с точки зрения их представлений об эволюции степени ее престижа.

Исследование имеет междисциплинарный характер. Исторический аспект представлен нарративом, отражающим ретроспективу университетской истории имперского, советского и постсоветского периодов. Социологический блок реализован с использованием метода полуструктурированного экспертного интервью с научно-педагогическими работниками шести российских университетов (N=120, 2019–2021). Информанты разделены на возрастные группы – младшего (до 35 лет), зрелого (36–50 лет) и старшего поколения (от 51 года).

В статье делается вывод о высоком престиже профессии университетского сотрудника в имперский и советский периоды. Изучение работ отечественных и зарубежных ученых показывает, что в современных исследованиях преобладает мнение о кризисе профессии вузовского преподавателя. Наибольший урон профессиональному престижу высшей школы в России нанес кризис 1990-х гг. Сравнивая состояние профессионального престижа сейчас и в первое постсоветское десятилетие, информанты различных возрастных групп используют негативные коннотации. Представители старшего поколения, характеризуя социальный статус преподавателя, обозначают его более высокий престиж в прошлом. Младшее поколение преподавателей склонно воспринимать современные профессиональные реалии как должное. Две трети респондентов, признавая наличие слабых сторон в социальном статусе вузовского преподавателя, дают общую высокую оценку респектабельности профессии. На снижение престижа профессии, по мнению информантов, влияют индивидуальные особенности преподавателя, его материальное обеспечение и уровень финансирования отрасли, загруженность аудиторными занятиями, отсутствие времени на полноценную включенность в научные исследования, потребительское отношение студентов к образовательному процессу. Вместе с тем отмечено несколько идеализированное восприятие информантами образа преподавателя зарубежных вузов. Практическое применение результатов статьи возможно органами власти с целью принятия конкретных мер, ориентированных на рост престижа вузовского преподавателя, а также вузами для реализации кадровой политики.

Ключевые слова: престиж профессии, социальный престиж, социальный статус преподавателя, высшее учебное заведение, университет, научно-педагогические работники, история высшего образования

Благодарности: Грант Российского научного фонда (№ 19–18–00485) «Человеческое измерение трансформационных процессов в российских университетах: исторический опыт, тенденции и ответы на вызовы современности» (проект завершен в 2021 г.). Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030), проект № НУ 2.0.5.22 МЛ.

Для цитирования: Ефимова Г. З., Грибовский М. В. Престиж университетского преподавателя в России: историческая ретроспектива и современное состояние // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27, № 2. С. 30–44. DOI 10.15826/umpa.2023.02.011.

PRESTIGE OF A UNIVERSITY TEACHER IN RUSSIA: HISTORICAL RETROSPECTIVE AND CURRENT STATE

G. Z. Efimova^a, M. V. Gribovskiy^b

^a University of Tyumen

6 Volodarskogo str., Tyumen, 625003, Russian Federation;
g.z.efimova@utmn.ru

^b National Research Tomsk State University

36 Lenin ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

Abstract. The article studies the historical retrospective of the professional prestige of a university teacher in Russia and the criteria for assessing its current state. The study aims at finding out the «components» of the prestige of the profession in previous historical eras and at identifying modern teachers' attitude to their profession in terms of their ideas about the evolution of the degree of its prestige.

Within this interdisciplinary research, the historical aspect is represented by a narrative, which reflects a retrospective of the university history of the imperial, Soviet, and post-Soviet periods. The sociological aspect implies the method of semi-formalized expert interviews with 120 scientific and pedagogical workers of six Russian universities (2019–2021). The informants are divided into age groups: younger (35 and less years old), mature (36–50 years old), and older generation (51 and more years old).

The authors come to the conclusion that the profession of a university teacher in the imperial and Soviet periods was of high prestige. The study of the works of Russian and foreign scholars shows that today there prevails the opinion about the crisis of this profession. The crisis of the 1990s caused the greatest damage to the professional prestige of higher education in Russia. The informants of different age groups compare the state of professional prestige in the first post-Soviet decade and now not in favor of the latter. When characterizing the social status of a teacher, the representatives of the older generation indicate the higher prestige of this profession in the past. The younger generation of teachers tends to take modern professional realities for granted. Two-thirds of the respondents, admitting the weaknesses in a university teacher's social status, highly assess the respectability of the profession in general. According to the informants' opinion, the prestige of being a university professor is decreasing because of the teacher's individual characteristics, his/her financial state (and the level of financing in this sphere), in-class overwork, lacking time for full involvement in scientific research, and the students' consumer attitude to the educational process. At the same time, there was noted the informants' somewhat idealized perception of a teacher's image in foreign universities.

The results of our investigation might be applied by the authorities in order to take specific measures aimed at increasing the prestige of a university teacher. The research might be also of use for the universities' implementation of personnel policy.

Keywords: profession prestige, social prestige, social status of a teacher, higher educational institution, university, academic staff, teaching staff, history of higher education

Acknowledgements. The publication is performed under the support of the Russian Science Foundation (RFBR) in the framework of the project No 19-18-00485 «The Human Dimension of the Transformation Processes of Russian Universities: Historical Experience, Trends and Responses to the Contemporary Challenges». This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030), project HY 2.0.5.22 MJL.

For citation: Efimova G. Z., Gribovskiy M. V. Prestige of a University Teacher in Russia: Historical Retrospective and Current State. *University Management: Practice and Analysis*, 2023, vol. 27, no. 2, pp. 30–44. doi 10.15826/umpa.2023.02.011. (In Russ.).

Введение

На протяжении столетий общество возлагает большие ожидания на представителей интеллектуальной элиты, а именно – на университетских преподавателей, ученых и исследователей. Принято воспринимать первых как *трансляторов* актуальных знаний, способных подготовить следующее поколение конкурентоспособных профессионалов, а вторых и третьих – как *созидателей* нового знания, востребованного для решения значимых проблем и улучшения жизни общества. Востребованность обществом результатов

профессиональной деятельности интеллектуалов повышает престиж последних. Более того, М. Вебер (M. Weber) при анализе академической жизни и влияния науки на общество подчеркивал растущий эпистемологический авторитет науки и предупреждал о возможном злоупотреблении им со стороны ученых [1]. От престижа научно-исследовательской деятельности в целом зависит трансформация академических карьерных стратегий и самооценка ученых. А. Русер (A. Ruser) отмечает, что в обществах, находящихся на постиндустриальной стадии развития, где научные знания играют приоритетную роль, повышено внимание

к профессиональной академической карьере [2]. Высокий престиж оказывает влияние на привлечение и закрепление в профессии талантливой молодежи. Престиж интеллектуальных профессий в предыдущие исторические эпохи складывался из разных элементов и по-разному воспринимался самими представителями академического мира. Престиж академической профессии в исторической ретроспективе и стал предметом настоящего исследования.

Целью статьи выступает сопоставление престижа профессии университетского преподавателя трех эпох в истории России: имперского (XVIII – начало XX в.), советского (1917–1991 гг.) и современного (после 1991 г.), а также выявление критериев оценки профессионального престижа вузовского преподавателя и ученого.

Исследовательские вопросы. Рассмотрено, из чего складывался и насколько высок был уровень престижа профессии университетского преподавателя в России в разные исторические периоды, а также глубинные причины кризиса профессии вузовского преподавателя в начале XXI в. и пути повышения престижа профессии университетского преподавателя.

Гипотеза исследования. Социальный престиж вузовского работника во многом определяется социально-экономическими и политическими обстоятельствами, характерными для разных эпох. Несмотря на смену политических и социальных условий, во все времена сохранялись возможности поддержания относительно высокого престижа вузовского работника и удержания его в академическом секторе.

Обзор литературы. Проблема престижа профессии университетского преподавателя имперской и советской эпох в России редко становилась самостоятельным предметом исследований. Эта тема затрагивается в работах, посвященных университетской системе [3–5], профессорско-преподавательскому корпусу [6–9] истории отдельных учреждений [10–12]. В основном исследователи сходятся на констатации довольно высокого положения в обществе университетских преподавателей, особенно профессуры.

Дж. Макклелланд (J. C. McClelland), делая акцент на проблеме неравенства с точки зрения доступности образования в имперской России, пришел к выводу о том, что именно элитный характер университетов породил феномен русской интеллигенции, оторванной от большинства членов общества с точки зрения уровня образования и образа жизни [13]. Для исследователей характерны выводы об относительно высоком социальном

статусе и престиже интеллектуальных профессий как в царское, так и в советское время.

Работам, посвященным положению дел в современной российской высшей школе, свойственны противоречивые выводы, но преобладает, скорее, скептический взгляд на степень престижа и заключение о кризисе профессии преподавателя [14]. Отметим работу В. И. Жукова, предпринявшего попытку сравнения социального статуса профессора в России трех эпох – имперской, советской и современной [15].

Реформы системы высшего образования, а также социально-экономические изменения, произошедшие в России на протяжении трех десятилетий, повлекли за собой трансформацию общественного отношения к знаниям и высшему образованию как к сфере услуг. Как следствие, и преподаватель высшей школы стал восприниматься как представитель сервисной профессии [16–17].

Согласно результатам исследований А. П. Истоминой и А. С. Самойловой, рейтинг престижности профессии преподавателя университета оценивается как средний, между тем как степень сложности и ответственности работы – высокая [16].

Бренд конкретного вуза является важнейшей его характеристикой и даже экономическим активом. Й. Коцоурек (J. Kocourek) и Р. Чочкова (R. Čochkova) отмечают, что он также важен для создания и поддержания престижа и репутации высшего образования и преподавателей [18]. Также существует мнение, что престиж конкретного преподавателя определяется его индивидуальными характеристиками, мотивацией к работе, участием в научных исследованиях и совершенствованием качества преподавания в высших учебных заведениях [19]. Р. Исла-Диаз (R. Isla-Díaz) подчеркивает, что престиж профессии преподавателя связан с оценкой качества преподавания посредством модели Docentia, предложенной ANECA (Национальным агентством по оценке качества Испании) и используемой испанскими университетами для оценки качества преподавания [20].

На социальном статусе преподавателей российских высших учебных заведений негативно отражаются высокая учебная (аудиторная) нагрузка и бюрократическая волокита, что влияет на продуктивность интеллектуальной работы и создает серьезные препятствия для повышения конкурентоспособности образовательной системы страны. Вместе с тем, высокий престиж преподавателей определяется социальной значимостью их функции как генераторов прогрессивного социального порядка [17].

Остановимся на трактовках ключевых понятий нашего исследования в социологической науке. Социальный престиж профессии – важный индикатор ее положения в системе социальной стратификации. Как социологическая категория, «*престиж*» относится к психосоциальному феномену взаимодействия и рассматривается как часть категории социального статуса [21]. Профессии, обладающие высоким престижем, преимущественно имеют высокую ценность в обществе.

Престиж профессии определяется как «*феномен общественного сознания, в котором опосредованно отражается существующая в обществе иерархия профессий, видов трудовой деятельности, которая определяется различием в степени сложности и ответственности труда, продолжительностью необходимого для него профессионального образования, уровнем его оплаты и др.*» [22].

Престиж профессии формируется на основе субъективной оценки, включающей элементы уважения и достоинства [23]. Многообразие восприятия категории «социальный престиж» образует своеобразную «лестницу стратификации», которая иллюстрирует социальную иерархию в сфере коллективного сознания. Оценка престижа профессии состоит из субъективных факторов, которые включают осознание преимуществ, вознаграждений и ценностей, приписываемых соответствующим профессиям [24].

Престиж – субъективная оценочная категория, способная отражать объективные аспекты социального позиционирования, основанные на уровне дохода, образования и широко понимаемых структурных возможностях [25]. *Статус* – социологическая категория, выражающая позицию индивида в системе социальной стратификации по отношению к другим членам общества или его части [26–27]. Преимущественно статус человека измеряется профессиональным престижем и тесно коррелирует с ним. В современном обществе именно профессия становится ключевым статусообразующим показателем личности [28].

Профессия – один из критериев, определяющих социально-экономический статус. Он формируется пятью измерениями [29]: сложностью работы, образованием, руководящей должностью, личным доходом и культурной деятельностью в свободное время. Социальный статус человека имеет как объективный, так и субъективный характер. *Объективный* социальный статус отражает положение индивида в соответствии с мнением окружающих. В социологии для оценки объективного состояния используют положение в структуре занятости, престиж работы и ее сложность, уровень

образования, доход, участие в бытовых или культурных мероприятиях [30]. *Субъективный* социальный статус выражает личное чувство индивида – это то, как он оценивает свою позицию в обществе. Социальный статус базируется на субъективном, психологически ориентированном аспекте этой позиции. Во внимание может приниматься уровень образования, уважение со стороны окружающих, статус занятости, доход, удовлетворенность уровнем жизни [31–32] и другие аспекты.

Статус отражает социальное положение индивида и связан со степенью получаемых наград, в то время как *престиж* – показатель уважения, почта и социальной значимости профессии. В этом контексте престиж определяется как символический аспект социального статуса. Разумеется, уважение к конкретным представителям профессии зависит от их профессиональных и общекультурных качеств. Индивидуальный престиж определяется принадлежностью к определенной социальной категории (полу, возрасту и профессии индивида) [33]. Поэтому в прикладных исследованиях почтение, связанное с социальным статусом, трансформировалось в престиж [34].

Престиж профессии определяется через уважение общества к ее представителям, признание важности выполняемой ими трудовой функции [35]. *Замер престижа профессии* основывается на оценке сложности получения необходимого уровня квалификации, сопутствующей ответственности и уровня дохода [35].

В диссонанс могут вступать *оценка населением престижа* представителя конкретной профессии (которая выражается в т. ч. в готовности порекомендовать своим детям / внукам обучение по определенной профессии и работу в конкретной сфере деятельности), уровень самоидентификации работников конкретной профессии (может проявляться в гордости за принадлежность к профессии), вовлеченность в трудовой процесс и профессиональная идентичность [36].

Ученая степень выполняет роль индикатора социального статуса даже в условиях масштабных сдвигов в академической профессии, которые оцениваются в критическом ключе [17; 37]. Индивидуальный престиж оценивается через личностные характеристики представителя профессии или занимаемую человеком социальную позицию [38], становясь индикатором социальной «желательности» профессии [39; 40]. Психологические исследования подтверждают: чем выше престиж профессии для человека, тем выше его ожидания успеха [41].

Российский социолог М. М. Соколов отмечает, что в странах, где селекция преобладает над

трансформацией, профессор – почитаемая фигура, а академическая карьера желанна [42]. С этим суждением согласуются эмпирические данные, подтверждающие, что распространение инбридинга в академической системе отрицательно коррелирует с уровнем финансирования: чем больше денег в науке, тем больше людей хотят ею заниматься, а возможности для проведения открытого кадрового конкурса в вузах увеличиваются [43]. Высокий входной фильтр, актуальный для такого состояния, необходим из-за ограничения во вступлении в должность тех, для кого наука – «профессия», а не «призвание» (по М. Веберу) [44].

Методология. Материалы и методы

Для объективного исследования проблемы престижа академической профессии на протяжении нескольких исторических эпох следовало бы оперировать аналогичными данными по имперскому, советскому и современному периодам, однако такие данные отсутствуют во всей полноте. Поэтому мы будем прибегать к сочетанию различных подходов и материалов.

Теоретико-эмпирическое исследование выполнено на стыке двух наук: истории и социологии. Исторический компонент представлен нарративом, отражающим ретроспективу имперского, советского и постсоветского периодов в интересующем нас отношении. В основу социологической части положено эмпирическое исследование субъективных оценок престижа академической профессии.

Социологическое исследование проведено с использованием метода полужформализованного экспертного интервью со штатными преподавателями российских университетов. Опрошено 120 сотрудников из шести университетов, относящихся к научно-педагогическим работникам (профессор, доцент, научные сотрудники)¹. Выбор университетов определен их участием в проекте повышения конкурентоспособности ведущих российских вузов среди ведущих мировых научно-образовательных центров («5-100»). При отборе соблюдалось территориальное распределение (четыре региональных вуза и три столичных). Также учитывались: профиль вуза (классический, профильный); вхождение в разные группы проекта «5-100» (первая и вторая группы); время вхождения в проект

«5-100» (первая и вторая волна). Интервью в российских вузах проводились с 2019 по 2021 г. в ходе личной беседы (face-to-face) по месту работы эксперта. В 2020 г. по причине пандемии коронавирусной инфекции экспертные интервью проводились с использованием сервисов видеосвязи.

В процессе интервью преподавателям университетов была задана серия вопросов для выявления особенностей профессиональной идентичности и определения степени престижа работы в университете (*«Престижна ли профессия университетского преподавателя?»*; *«В чем проявляется престиж?»*; *«Меняется ли с течением времени степень престижа?»*; *«Если престиж снижается, почему это происходит?»*).

Результаты исследования

Историческая ретроспектива феномена социального престижа университетского преподавателя в имперский и советский периоды

Понимая, что современные явления и процессы укоренены в прошлом, обратимся к проблеме престижа университетской службы в исторической ретроспективе. Многие авторы, предпринимая попытку сопоставления уровня социального престижа современного университетского преподавателя с советским периодом, противопоставляют наши дни временам советской власти. При этом они редко обращаются к опыту имперской эпохи. Между тем, имперский период значим как время зарождения и складывания определенной модели отечественной высшей школы.

Американскому историку немецкого происхождения Фрицу Рингеру (Fritz K. Ringer, 1934–2006) принадлежит идея о ключевой роли интеллектуальной элиты в общественной жизни на рубеже XIX–XX вв., когда аристократия утрачивала позиции, а управленцы, крупные предприниматели и партийные лидеры (новая элита, типичная для XX в.), еще не занимали прочных социальных позиций. Характеризуя немецкую интеллектуальную элиту, Ф. Рингер употребил понятие «мандарины» – термин, восходящий к китайской традиции, где так именовали образованных чиновников [45]. «Мандарины», по Ф. Рингеру, – социально-культурная элита, обладающая высоким общественным статусом благодаря полученному образованию и знаниям, а не в силу происхождения или богатства [45]. Считаем возможным употребить понятие применительно к русской профессуре этого периода.

Высшая школа в России зародилась в XVIII столетии, хотя ее прообразы можно

¹ Организацию и проведение серии экспертных интервью осуществлял научный коллектив под руководством Сорокина А. Н., к. и. н., директора Антропашколы (ТюмГУ, Тюмень), в составе Грибовского М. В., д. и. н., проф. каф. российской истории (ТГУ, Томск), и Ефимовой Г. З., к. с. н., доц., проф. каф. общей и экономической социологии (ТюмГУ, Тюмень).

обнаружить и ранее. Вместе с тем, о сложившейся системе высшего образования можно говорить лишь применительно к XIX в. Во время модернизации, протекавшей в России во второй половине XIX в., заметное людям одного поколения усиление роли науки в обществе придавало высокий престиж интеллектуальному труду и укрепляло социальную роль университетского преподавателя.

К 1917 г. в России действовало десять университетов, всего насчитывалось более сотни высших учебных заведений разного профиля (инженерные, военные, духовные и прочие), из них половина – общественные и частные. В каждом из десятка университетов служило от 27 (в Саратовском, самом молодом) до 97 (в Московском) штатных преподавателей. Во всей университетской системе в 1917 г. одновременно работало менее 700 человек². К этому числу следует добавить примерно такое же количество приват-доцентов, не включенных в штат, но занимавшихся образовательной деятельностью. Итого – около 1500 лиц, преподававших в университетах, в то время как во всей высшей школе накануне Февральской революции насчитывалось порядка 5000 преподавателей [5].

Относительная малочисленность профессуры придавала ей исключительность и важность. Косвенным подтверждением и яркой иллюстрацией этого можно признать зафиксированные в исторических источниках неоднократные случаи аудиенций профессоров у министров народного просвещения по различным служебным вопросам.

Автономия – характерная черта дореволюционного университета. Степень и содержание автономии неоднократно менялись, что отражалось в университетских уставах. Но сам факт выборности преподавательских и административных должностей (существовавший периодически, а не постоянно) и наличие коллективных органов самоуправления придавал университету некоторую экстерриториальность по отношению к гражданским властям. Это повышало значение и социальный престиж профессоров как ключевых акторов университетов.

С точки зрения отношений профессуры и студенчества нормы, действовавшие до начала XX в., отражали патриархальный строй, унаследованный университетами из XVIII – начала XIX в. Однако рубеж XIX–XX вв. характеризовался ускоренным развитием как экономики России, так и общественных институтов. Веками кристаллизовавшаяся модель университетской жизни и стилистика

отношений преподавателей со студентами не могла оставаться неизменной и переживала кризис, постепенно демократизируясь.

Что касается благосостояния, суммируя все постоянные (*оклад, региональные прибавки*) и вероятные доходы (*университетский гонорар, гонорары за предоставление услуг, орденские пенсии*), получаемые преподавателями за их профессиональную деятельность, можно сделать вывод о большом разбросе сумм: едва превышающих 1 000 руб. в год у доцентов и до 8 000–10 000 руб. у профессоров-юристов столичных университетов.

Велики ли эти суммы? С одной стороны, на фоне совокупности представителей профессий физического труда и служащих Российской империи рубежа XIX–XX вв. университетские преподаватели должны быть отнесены к верхнему слою с точки зрения получаемых доходов: в начале века состоятельным считался человек с годовым доходом в 1 000 руб., а во всей 130-миллионной Российской империи таковых насчитывалось всего около 572 тысяч человек [46]. С другой стороны, профессора были склонны оценивать свое материальное положение как недостаточное и видеть в этом одну из причин бед в сфере образования, что проявлялось во время работы комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.): *«Служба по Министерству Финансов с солидными окладами, выгодная частная служба в сферах промышленных, выборная служба в земстве и при думах, не требующая высоких ученых степеней, а тем более деятельность адвокатов, практикующих врачей и публицистов отвлекли от науки наиболее даровитые силы, так как такого рода должности и занятия быстро дают не только обеспечение и возможность обзавестись семьей, но и некоторую зажиточность. Напротив, чтобы посвятить себя при теперешних условиях науке, нужна не только упорная привязанность к теоретическому знанию, но прямо-таки некоторая доля аскетизма и отречения от мира»*³. Известное противоречие между объективной реальностью и субъективным ощущением университетских преподавателей объясняется тем, что они измеряли свое благосостояние не применительно ко всем подданным Российской империи, а применительно к элитарным слоям, к которым относили и себя.

Из вышесказанного можно заключить, что если университетские преподаватели Российской империи и не были «мандаринами» в понятиях китайской традиции, и в своей профессиональной

² Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 год. Петроград, 1917. С. 225–250, 299–331, 409–432, 432–440, 483–509, 550–571, 600–623, 678–694, 711–728, 774–785.

³ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. Санкт-Петербург, 1903. С. 214.

жизни сталкивались с немалыми сложностями [47], то, безусловно, они относились к лицам, обладавшим высоким социальным статусом.

Советский период для университетской элиты начался катастрофическим снижением уровня жизни (что свойственно переломным моментам в истории) и дискуссией в правящих кругах о необходимости сохранения университета как явления буржуазного общества в новом социалистическом мире. Университеты не были ликвидированы, но в 1920-е гг. они, как и все советские вузы, подверглись значимой трансформации. Она затронула структуру высшей школы, учебный процесс, организацию научных исследований и систему научной аттестации. Впрочем, к концу 1930-х гг. в советскую систему высшего образования вернулись элементы имперского периода – лекционная система, экзамены и ученые степени.

В количественном отношении высшая школа в XX в. быстро росла и к концу советской эпохи включала 911 вузов. При этом университетов в Советском Союзе насчитывалось менее 70, то есть соотношение университетов и вузов в целом осталось таким же, как в Российской империи⁴.

В сфере высшего образования к середине 1980-х гг. трудилось 410 тысяч человек, из них 18 тысяч – доктора наук / профессора и 180 тысяч – кандидаты наук / доценты. Несмотря на рост численности профессорско-преподавательского корпуса, степень престижа профессии вузовского преподавателя в советском обществе оставалась высокой. Корень престижа следует искать в советском просветительском проекте, в культивировании знания, что характерно для эпохи НТР.

Высокое общественное положение профессоров и доцентов поддерживалось материально. В 1980-е гг. средняя зарплата молодого преподавателя вуза составляла не менее 120 %, а доктора наук / профессора – 300 % от средней заработной платы по экономике [48]. У советского преподавателя имела возможность повышения доходов (хоздоговора, лекции для населения по линии общества «Знание»), но стабильная окладная часть заработной платы играла в его бюджете определяющую роль.

Кризис 1990-х и современная высшая школа

Если в СССР сфера науки обеспечивала сотруднику высокий социальный статус и даже вхождение в правящую элиту, то в ситуации постсоветской трансформации положение ученого в обществе радикально изменилось, значение научных школ

⁴ СССР в цифрах в 1990 году : краткий статистический сборник. М., 1991. С. 100.

девальвировалось, академическая наука стала непривлекательной для молодежи [49]. То же самое можно сказать и о высшей школе. Отчасти объективные социально-экономические трудности 1990-х начали преодолеваются в первые десятилетия XXI в.

С точки зрения материальной составляющей престижа профессии следует отметить складывание грантовой системы, а также «майские указы» 2012 г., согласно которым средние зарплаты преподавателей вузов к 2018 г. должны были составлять 200 % от средней заработной платы в регионе. Формально эта целевая установка достигнута, но речь идет не о размерах должностных окладов ассистентов, доцентов и профессоров, а о средневзвешенном значении заработной платы в университете, которая складывается из оклада, надбавок за выполнение дополнительного объема работы (например, проведения исследований или опытно-конструкторских работ по хоздоговору или проекту, поддержанному грантом), стимулирующих выплат.

В современной России категорию вузовских преподавателей нельзя отнести к массовым. Более того, по данным официальной статистики, численность научно-педагогических работников сокращается. В 2019 г. в учреждениях высшего образования на различных должностях профессорско-преподавательского состава, осуществляющего образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (без учета внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера), работали 229,3 тыс. человек, что на 18 % меньше по сравнению с 2016 г. (261,0 тыс. чел.) и на 29 % меньше по сравнению с 2013 г. (319,3 тыс. чел.) [50]. Тенденция снижения численности отмечается и среди научных работников вузов – в 2019 г. их было 16,8 тыс. человек, что на 5 % меньше по сравнению с 2016 г. (17,6 тыс. чел.) и на 11 % – по сравнению с 2013 г. (18,9 тыс. чел.).

Критический взгляд на проблему привлекательности академической профессии в современной России представила Е. В. Денисова-Шмидт, подчеркивая такие факторы низкого престижа, как бумажная волокита, «необучаемые» студенты, ущемление академической свободы и недостаточные материальные стимулы [51]. Однако возникают вопросы: как свою профессию воспринимают сами университетские преподаватели и насколько преодолимы кризисные явления?

Оценки отечественными информантами социального престижа преподавателей

Переходя к обзору результатов экспертного интервью преподавателей российских вузов, разделим информантов на три группы:

1) «Младшее поколение» (до 35 лет), начали трудовую деятельность во втором десятилетии XXI в.

2) «Зрелое поколение» (от 36 до 50 лет), начавшее работать на рубеже веков.

3) «Старшее поколение» (в возрасте от 51 года), имеющее более чем тридцатилетний трудовой стаж.

Биографические нарративы информантов зрелого и старшего поколения во всех без исключения случаях имеют отсылки к *периоду распада Советского Союза*, пришедшегося на конец 80-х – начало 90-х гг. XX в. Представители **зрелого** поколения обладают опытом работы в обществе перестроечного периода, и при оценке престижа профессии вузовского преподавателя сравнение происходит преимущественно в пользу современности. Контекст высказываний представителей **старшего поколения** относительно социального статуса профессорско-преподавательского состава вуза в основном опирается на советский период, характеризующийся большим престижем работы вузовского преподавателя по сравнению с последующим упадком, который пришелся на 1990-е гг., и восстановлением ситуации в современной России: *«В СССР доцент и профессор – уважаемые и высокооплачиваемые работники с достойными социальными льготами. В период перестройки отношение изменилось. К ним относились как к людям, которые ни на что не способны. Из преподавания ушли все, кто мог. Остались те, кому некуда уходить. После этого периода мы пережили две волны попыток реанимировать высшее образование. В нашем вузе все более-менее сглажено – мы достаточно престижный вуз и ценили свое достоинство выше коммерческих вещей»* (муж., д. ф.-м. н., проф., 50–55 лет).

Снижение социального престижа преподавателя в период краха социалистической системы и в 1990-е гг. было вызвано понижением финансирования вузовских работников и повлекло значимые социально-экономические последствия, которые оказалось весьма нелегко нивелировать. Обобщенный образ университетского преподавателя этих лет может быть описан следующим образом: сотрудник с невысокими доходами, перегруженный аудиторными занятиями со студентами, не находящий время на исследования и безнадежно отставший от мировой научной повестки (в том числе вследствие низкой языковой компетентности и исключенности из научно-исследовательских коллабораций с учеными из других стран). *«Мне есть с чем сравнивать. Я пришла в вуз в 1979 году – престиж был высокий, на работу*

в университет было сложно попасть. В девяностые годы престиж высшей школы снизился, был ориентир не на обучение и научные исследования, а на торговлю. Помните вездесущие ларьки?! Сейчас ситуация выравнивается, молодежь приходит работать в вузы, защищается и остается преподавать. Обновляется и омолаживается коллектив. С девяностых до 2010 года престиж профессии медленно растет. Сейчас восстановился уровень, что был до девяностых, и даже стал выше. Нынешние студенты идут в вуз за знаниями, и чувствуется их интерес к учебе. Если занятие отменяется или приходится на праздничный день, они просят его перенести и находят другой день в расписании, чтобы "лекция не пропала, и вы нам все рассказали"» (жен., д. т. н., проф., 65–70 лет).

Отзываясь о постсоветском периоде, информанты всех возрастных групп используют исключительно негативные коннотации: *«В девяностые годы почти не было денег. На этом фоне происходил отток людей из академической сферы и деградация высшего образования. Ученые, наиболее активно занимающиеся наукой, уезжали за рубеж или меняли сферу деятельности. Сократилось количество учебных программ, что аукнулось нарушением преемственности. Исчезла молодая смена, которой можно доверить преподавательские места. На смену старшему поколению преподавателей пришли работники уровнем ниже. В результате в двухтысячные годы мы столкнулись со скачкообразной деградацией высшего образования. Сейчас ситуация меняется в лучшую сторону»* (муж., д. ф.-м. н., гл. н. с., 50–55 лет).

При этом для некоторых информантов университеты стали «островком стабильности» на фоне снижения финансирования и отсутствия каких-либо гарантий во всей стране в конце XX в.: *«В 90-е годы в науке и экономике была плачевная ситуация, а в вузах – стабильность. Поэтому я осталась в лаборатории и занимался наукой. На фоне полной разрухи это комфортное место»* (муж., к. ф.-м. н., доц., 60–65 лет).

Сохранить заинтересованность научно-исследовательской сферой в перестроечный период информантам позволяли различные подработки: *«90-е годы в какой-то мере пошатнули меня. Подрабатывал в школе, и это позволило мне не уходить из вуза. Я не мыслил себя без исследовательской сферы»* (муж., д. ф.-м. н., проф., 50–55 лет).

Для **младшего поколения**, работающего в сфере науки и высшего образования не более десяти лет, современные реалии воспринимаются как «норма» и «должное». О положении дел в прежние периоды они знают лишь по рассказам старших

коллег, знакомых и родственников: «По моим ощущениям, с 2000 по 2006 год шел спад престижа профессии, но года с 2011 престиж растет» (муж., к. т. н., доц., 30–35 лет).

Некоторые информанты представили оценку социального престижа научно-педагогического работника через сравнение с ситуацией в других странах (США, Германия, Япония). В качестве оснований для сравнения выступают: общественное признание, уровень оплаты труда, объем учебной нагрузки и иной выполняемый работы. Во всех случаях сравнение происходило не в пользу отечественной академической сферы.

«Профессор в Америке зарабатывает больше простых американцев, его уважают и поэтому идут к нему учиться, платят деньги. Европейский профессор занимается какой-то ерундой, зарабатывая в два раза меньше, чем остальные, но, поскольку его никто не трогает, его все уважают. Российские профессора – люди, не нашедшие себя нигде. Они преподают в вузах, потому что ничего другого делать не умеют» (муж., к. т. н., доц., 30–35 лет).

«За рубежом ситуация иная – живешь на окладе и ощущаешь себя как сыр в масле. Вы представляете отношение к профессору в Германии? Однажды я сидел у кабинета врача в частной клинике с одним немцем. Указал в анкете, что я профессор. Приходит медсестра и говорит: «Профессор [и далее по фамилии], прошу к врачу». Соседний мужчина даже привстал в знак уважения. Это нормальная реакция у немца. Аналогичная реакция в Японии, когда ко мне, сидящему и пьющему пиво под сакурой, подошли полицейские и попросили у меня ID-карту. Я ее показал, и один сказал другому: «Это профессор». Оба вытянулись. Вот такая реакция на звание профессора, и совершенно другая ситуация у нас, когда приходишь в бухгалтерию, где сидят работники, кормящиеся за счет твоих грантов и хозяйственных договоров, и они тебя отчитывают как мальчишку за непоставленную запятую в документах. Откуда я знаю, что надо вот здесь ее ставить? Можно было эту запятую поставить и без меня. Неприятный момент» (муж., проф., 65–70 лет).

«У российских профессоров бешеная учебная нагрузка по сравнению с Западом. Там я веду занятия час-два в неделю, и мне хватает денег. У нас же я работаю по восемь-десять часов. Профессор не должен столько работать, два-четыре часа – оптимально, шесть часов – предел. Это следствие неуважения к ассистентам, доцентам и остальным. Ассистент в Германии много получает, потому что ведет мало занятий.

Но ему хватает денег снять квартиру и купить машину. Он твердо знает, на какую перспективу работает, и что через три-шесть лет он будет на более высоком должностном уровне, зарплата возрастет в четыре раза, у него появится статус и стабильное положение. Эта «лестница» выстроена жесточайшим образом, но прозрачна и понятна. Он может сказать своей девушке: «Да, сейчас я ассистент, но через год будет это, а через три – то». У нас ассистент получает деньги, на которые нельзя полноценно жить, и он увольняется или начинает совмещать. Возникает проблема преемственности поколений в науке» (муж., проф., 65–70 лет).

Следует признать, что часть приведенных высказываний отражают идеалистический и даже романтический взгляд ряда российских преподавателей на беззаботную жизнь их зарубежных коллег, что не вполне соответствует реальности, ношний раз подчеркивает проблемные зоны современного отечественного университета.

Однако из общего числа информантов только треть склонна оценивать престиж профессии преподавателя как преимущественно низкий. Две трети респондентов, признавая наличие слабых сторон, дают общую высокую оценку респектабельности своей профессии.

Особо следует отметить, что по данным эмпирического исследования, проведенного в 2006 г. О. И. Поповой и Е. С. Баразговой, сами вузовские преподаватели склонны оценивать свою профессию как менее престижную, чем информанты из числа студентов и внешних по отношению к вузу экспертов [52], что указывает на столкновение критического взгляда инсайдеров, знакомых с «внутренней кухней», и сложившихся стереотипов об университетской жизни.

Заключение

Профессия университетского преподавателя прошла в России долгий путь (хоть и не настолько долгий, как, например, в Западной Европе). С течением времени мерила и составляющие престижа этой профессии несколько менялись. В имперский период престижной службу в университете делала эксклюзивность высшей школы, связанная с немногочисленностью университетов, ее автономия, что не отменяло приобретение преподавателями чинов в соответствии с Табелью о рангах, а также относительно высокие доходы профессуры. В советское время престиж формировался пиететом перед наукой и стабильно высокими окладами.

В настоящее время, в сравнении с советским периодом, университет, с одной стороны, теряет престиж как работодатель, гарантирующий всем сотрудникам неизменно высокий доход, но, с другой стороны, дает новые возможности, обеспечивающие привлекательный образ университетского преподавателя: специалиста, чья профессиональная жизнь, помимо преподавания, насыщена научными исследованиями (в т. ч. поддерживаемыми грантами, реализуемыми в международных и междисциплинарных коллаборациях). Это специалист, обладающий признанной экспертностью, к чьему мнению прислушивается власть, профессиональное сообщество и широкие массы.

Исследовательская гипотеза данной статьи полностью подтверждена: социальный престиж вузовского работника определяется социально-экономическими и политическими обстоятельствами, характерными для разных исторических периодов. В частности, глобальные политические и социально-экономические перемены, произошедшие в конце XX в., отразились на деятельности высшей школы и, как следствие, на социальном статусе преподавателя. Признавая влияние перестроечного периода на состояние высшей школы, считаем, что кризис профессии связан с глубинными причинами:

(1) Широкая доступность информации в XXI в. ставит под сомнение необходимость в преподавателе лишь в качестве носителя знания, хотя прежде только одна эта функция делала его незаменимой фигурой в образовательном процессе. Напомним, что еще в конце 1920-х – начале 1930-х гг. советский эксперимент по применению «бригадно-лабораторного метода» потерпел неудачу – в первую очередь вследствие того, что значительное сокращение лекционных часов и низведение преподавателя до консультанта в условиях нехватки учебного материала привело лишь к потере в качестве образования [53]. В настоящее время дефицит источников информации по большинству дисциплин отсутствует, что ставит вопрос о месте и роли преподавателя.

(2) Позиционирование образования как услуги бьет по имиджу университета как «храма науки», низводит его до банальной сервисной функции, где профессорам и преподавателям отведена роль обслуживающего персонала. Дискуссия о назначении высшей школы, развернувшаяся в российском обществе в связи со сменой социально-экономической модели на рубеже 1980-х – 1990-х гг., не утратила актуальности до сих пор. Затянувшийся спор можно свести к фиксации расхождения между пониманием образования как социально значимого

блага, гарантируемого государством, и услугой, предоставляемой населению на конкурентной и/или платной основе [54]. В 2022 г. термин «услуги» из Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» был исключен: в основном, заменой слов «оказание государственных услуг в сфере образования» словами «реализация образовательных программ»⁵. Впрочем, это вряд ли снимает вышеозначенный вопрос о роли и месте высшей школы в современном мире.

(3) Урезание университетской автономии, бюрократизация высшей школы, переход управленческих функций от ученых к менеджерам снижает социальный вес университетской профессуры. Дискуссия об университетской автономии имеет в России еще более давнюю традицию. О роли этого феномена в укреплении престижа дореволюционной профессуры уже шла речь выше. Впрочем, данный аспект университетской жизни актуален и для других стран [55].

Пути повышения престижа профессии университетского преподавателя лежат, на наш взгляд, в нескольких направлениях:

(1) расширение научных исследований, проводимых университетом, что, с одной стороны, повышает доходы специалистов, а с другой – позволяет делать образовательный контент более уникальным при интеграции науки с учебным процессом [56]. Именно это видится в качестве базового способа решения первой проблемы, упомянутой в перечне глубинных причин кризиса профессии вузовского преподавателя [57];

(2) усиление экспертной ипостаси университетского преподавателя, что обеспечивает рост общественного интереса и уважения к университету как социальному институту. Данный путь предполагает взгляд на университетского преподавателя шире привычных рамок, причем как в стенах вуза [58], так и за его пределами. Последнее перекликается с концепцией «третьей роли» университета – его участием в жизни региона и города, вовлеченность в дела локального сообщества, в том числе в лице сотрудников.

Уходят в прошлое времена сакрализации университета, для которых характерен священный трепет перед профессором. Однако университет, показавший за тысячелетнюю историю высокую адаптивность, находит свое место и в XXI в. Интеллектуальная профессия преподавателя и исследователя (тем более если он транслирует

⁵ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 14.07.2022 № 295-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421841/ (дата обращения: 14.01.2023).

уникальный контент и обладает навыками незаурядной подачи) достойно вписывается в лекала постиндустриального общества, играя и новые роли (эксперта, консультанта, советника) помимо привычных.

Проведенное исследование показало, что престиж профессии вузовского работника в значительной степени определяется социально-экономическими и политическими обстоятельствами, которыми характеризовались разные эпохи в истории России. Мы склонны утверждать, что, несмотря на смену политических и социальных условий, возможности поддержания относительно высокого престижа вузовского работника сохранялись во все времена. Дальнейшее исследование этой проблемы связано, с одной стороны, с интеграцией преимуществ качественных и количественных методов изучения престижа профессии вузовского преподавателя, а с другой – с ее погружением в европейский и мировой контекст.

Список литературы

1. Weber M. Geistige Arbeit als Beruf. Vier Vorträge vor dem Freistudentischen Bund. Erster Vortrag. München, 1919. 39 p.
2. Ruser A. From Gamble to Conformity? Academic Careers, Ethical Neutrality and the Role of 'Professional' Social Sciences // Social Epistemology. 2020. No 34 (2). P. 162–173.
3. Вахитов Р. Р. Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. Москва : Страна Оз, 2014. 276 с.
4. Жуковская Т. Н. Представляя университетское сословие // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 3. С. 170–176.
5. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. Москва : Академия наук СССР, Институт истории СССР, 1991. 392 с.
6. Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х., Ильина К. А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. 650 с.
7. Власова О. В. Причины и факторы, определяющие снижение потребности в научно-педагогических работах и девальвацию престижа профессии преподавателя высшей школы // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 1 (34). С. 54–58.
8. Грибовский М. В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа русского общества. 1884 г. – февраль 1917 г. : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2018. 804 с.
9. Иванов А. Е., Кулакова И. П. Русская профессура на рубеже XIX–XX веков // Российская история. 2013. № 2. С. 44–62.
10. Еремина Т. И. Правовые стимулы профессиональной деятельности ученого сословия университетов Российской Империи // Право и образование. 2017. № 7. С. 137–148.
11. Зипунникова Н. Н. Правовой статус ученого в Российской Империи (особенности формирования ключевых компонентов) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 2 (14). С. 157–166.
12. Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). Москва : Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.
13. McClelland J. C. Autocrats and Academics: Education, Culture, and Society in Tsarist Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1979. 150 p.
14. Сычев А. А. Трансформация «класса интеллектуалов» // Ведомости прикладной этики. 2020. № 55. С. 10–19.
15. Жуков В. И. Социальный статус профессора в Российской и Советской империях и в демократической России: историко-социологическая компаративистика // Берегиня. 777. Соч.: Общество. Политика. Экономика. 2016. № 1 (28). С. 174–181.
16. Истомина А. П., Самойлова А. С. Образ преподавателя высшей школы в общественном сознании // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 9 (4). С. 226–233. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-26-4-226-233.
17. Шереги Ф. Э., Кириллов А. В. Труд преподавателя вуза: творчество или «выживание»? // Социологические исследования. 2017. № 11 (403). С. 87–98.
18. Kocourek J., Čočková R. The Quality of University Teachers as One of the Tools of Image Building // Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference. Vision 2020: Sustainable Economic Development, Innovation Management, and Global Growth. Madrid ; New York : Curran Associates, 2017. P. 2591–2596.
19. Davoglio T. R., Spagnolo C., Santos B. S. Motivação para a permanência na profissão: A percepção dos docentes universitários // Psicologia Escolar e Educacional. 2017. Vol. 21, iss. 2. P. 175–182.
20. Isla-Díaz R., Marrero-Hernández H., Hess-Medler S., Pérez-Monteverde M.-V., Blanco-Freije M. A. Una mirada longitudinal: ¿Es el «Docentia» útil para la evaluación del profesorado universitario? // RELIEVE – Revista Electronica de Investigacion y Evaluacion Educativa. 2018. Vol. 24, iss. 2. P. 2.
21. Domański H. Prestiż. Toruń : Uniwersytet im. Mikołaja Kopernika, 2012. 210 s.
22. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. Москва : Высшая школа, 1998. 672 с.
23. Domański H. Prestige. Frankfurt am Main : Peter Lang Edition, 2015. 167 p.
24. Bogusz R., Nowakowska L., Majchrowska A., Wiechetek M., Piątkowski W., Pawlikowski J. Social Prestige of Internal Medicine // Polish Archives of Internal Medicine. 2020. Vol. 130. P. 155–157.
25. Majchrowska A., Pawlikowski J., Jójczuk M., Nogalski A., Bogusz R., Nowakowska L., Wiechetek M. Social Prestige of the Paramedic Profession // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18, no. 4, article no. 1506. P. 1–10.
26. Thomson K. Klíčové citace v sociologii. Hlavní myslitelé, pojmy a témata. Brno : Barrister & Principal, 2004. 267 s.
27. Duffková J., Urban L., Dubský J. Sociologie životního stylu. Plzeň : Vydavatelství a nakladatelství Aleš Čeněk, 2008. 237 s.

28. Šafr J. Multidimenzionální status a jeho inkonzistence v období 1993–2006 // Socioweb. 2009. Vol. 32, no. 9–10. P. 1–14.
29. Machonin P. Česká společnost a sociologické poznání. Praha : ISV nakladatelství, 2005. 288 s.
30. Bahna M., Džambazovič R. Subjektívna identifikácia vlastnej pozície v stratifikačnom systéme slovenskej spoločnosti // Sociológia. 2010. No 42 (2). S. 97–112.
31. Goodman E., Alder N. E., Daniels S. R., Morrison J. A., Slap G. B., Dolan L. M. Impact of Objective and Subjective Social Status on Obesity in Biracial Cohort of Adolescents // Obesity Research. 2003. Vol. 11, iss. 8. P. 1018–1026.
32. Mantulenko V. V., Yashina E. Z., Ashmarina S. I. Personal Brand of University Teachers in the Digital Age // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. № 84. P. 62–70.
33. Šanderová J. Sociální stratifikace: problém, vybrané teorie, výzkum. Praha: Karolinum, 2004. 172 s.
34. Velký sociologický slovník / J. Linhart, M. Petrusek, A. Vodáková, H. Maříková. Praha : Karolinum, 1996. 1606 s.
35. The ILO / UNESCO Recommendation concerning the Status of Teachers (1966) and the UNESCO Recommendation concerning the Status of Higher-Education Teaching Personnel (1997). International Labour Office, Sectoral Policies Department, Geneva, ILO, 2016. 78 p.
36. Акерлоф Дж. А., Крэнтон Р. И. Идентичность и экономика организаций // Российский журнал менеджмента. 2010. Т. 8, № 2. С. 107–130.
37. Сенашенко В. С. О престиже профессии «преподаватель высшей школы», ученых степеней и ученых званий // Высшее образование в России. 2017. № 2. С. 36–44.
38. Luengo M. R., Gutiérrez P. La orientación vocacional y el género. Campo Abierto // Revista de Educación. 2003. № 23. P. 85–98.
39. Ferreira A. S., Lima R. Discriminant Analysis in Career Studying «Decision/Indecision»: The Career Factors Inventory (CFI) as a Diagnostic Measure // The Spanish Journal of Psychology. 2010. Vol. 13, no. 2. P. 927–940.
40. Álvarez Hernández J., Aguilar Parra J. M., Fernández Campoy J. M., Sicilia Molina M. El prestigio profesional y social: Determinante de la decisión vocacional // Revista Española de Orientación y Psicopedagogía. 2014. No 25 (2). P. 40–55.
41. Valls F. Inteligencia emocional y asesoramiento vocacional y profesional: usos y abusos // Electronic Journal of Research in Educational Psychology. 2007. No 11. P. 179–200.
42. Соколов М. М. Трансформирующие и селективные системы: исследование по сравнительной социологии академических рынков и карьер // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 35–77.
43. Camacho J. P. Investment Is the Best Cure for Inbreeding // Nature. 2001. Vol. 413. P. 479–480.
44. Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. Москва : Прогресс, 1990. 808 с.
45. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии: 1890–1933. Москва : Новое литературное обозрение, 2008. 648 с.
46. Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. Москва : Весь мир, 2012. 844 с.
47. Грибовский М. В. «Тягость профессорства»: особенности педагогической деятельности университетского преподавателя в дореволюционной России // Былые годы. 2019. Т. 3, № 53. С. 1263–1271.
48. Будущее высшего образования и академической профессии: страны БРИК и США / под ред. Ф. Альтбаха, Г. Андрушака, Я. Кузьминова, М. Юдкевич, Л. Райсберг. Москва : Высшая школа экономики, 2013. 248 с.
49. Ащеулова Н. А., Душина С. А. Академическая карьера молодого ученого в России // Инновации. 2012. № 7 (165). С. 60–68.
50. Индикаторы образования: 2021 : статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, В. И. Кузнецова и др. Москва : НИУ ВШЭ, 2021. 508 с.
51. Denisova-Schmidt E. The End of the Academic Profession in Russia? // Мир России. Социология. Этнология. 2020. № 3. С. 86–95. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-86-95.
52. Попова О. И., Барзгова Е. С. Имидж преподавателя: место и роль в актуальном образовательном взаимодействии в российских вузах. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 249 с.
53. Мосейчук Л. И. Применение бригадно-лабораторного метода в Белорусском государственном университете // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2018. № 2 (215). С. 51–53.
54. Хагуров Т. А. Высшее образование: Между служением и услугой // Высшее образование в России. 2011. № 4. С. 47–57.
55. Грибовский М. В., Сорокин А. Н. Академические свободы и бюрократические узы преподавателя: Результаты полевого исследования в университетах Великобритании и Франции // Университетское управление: практика и анализ. 2019. Т. 23, № 1-2. С. 60–71. DOI: 10.15826/umpra.2019.01-2.004.
56. Hillbrink A., Jucks R. What my Parents Think I Do – Doctoral Students Assumptions about how Private and Work-related Groups View their Work // International Journal of Doctoral Studies. 2019. Vol. 14. P. 465–478.
57. Игошин А. Н., Черемухин А. Д., Курмашева Н. Е. Факторы эффективности научной деятельности сотрудников университета и их влияние на систему оплаты труда // Вестник НГИЭИ. 2020. № 6 (109). С. 114–128.
58. Харден Р. М., Кросби Дж. Руководство АМЕР № 20: Хороший преподаватель – больше, чем лектор. 12 ролей преподавателя // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2012. № 4 (10). С. 27–51.

References

1. Weber M. Geistige Arbeit als Beruf. Vier Vorträge vor dem Freistudentischen Bund. Erster Vortrag. München, 1919. 39 p. (In Germ.).
2. Ruser A. From Gamble to Conformity? Academic Careers, Ethical Neutrality and the Role of 'Professional' Social Sciences. *Social Epistemology*, 2020, no. 34 (2), pp. 162–173. (In Eng.).
3. Vakhitov R. R. Sud'by universiteta v Rossii: imperskii, sovetskii i postsovetskii razdatochnyi mul'tiinstitut [The Fates of the University in Russia: The Imperial, Soviet, and Post-Soviet Disbursive Multiinstitute], Moscow, Strana Oz, 2014, 276 p. (In Russ.).

4. Zhukovskaya T. N. Predstavlyaya universitetskoe soslovie [Introducing the University Estate]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 2016, iss. 3, pp. 170–176. (In Russ.).
5. Ivanov A. E. Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Higher School of Russia in the Late XIX – Early XX Century], Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union, 1991, 392 p. (In Russ.).
6. Vishlenkova E. A., Galiullina R. Kh., Ilyina K. A. Russkie professora: universitetskaya korporativnost' ili professional'naya solidarnost' [Russian Professors: University Corporatism or Professional Solidarity], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, 650 p. (In Russ.).
7. Vlasova O. V. Prichiny i faktory, opredelyayushchie snizhenie potrebnosti v nauchno-pedagogicheskikh rabotnikakh i deval'vatsiyu prestizha professii prepodavatelya vysshei shkoly [Reasons and Factors that Determine the Decline in the Need for Research and Teaching Staff and the Devaluation of the Prestige of the Higher School Teaching Profession]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2021, vol. 10, no. 1 (34), pp. 54–58. (In Russ.).
8. Gribovskiy M. V. Professorsko-prepodavatel'skii korpus imperatorskikh universitetov kak sotsial'no-professional'naya gruppa rossiiskogo obshchestva. 1884 g. – fevral' 1917 g. [The Faculty of the Imperial Universities as a Social and Professional Group of Russian Society. 1884 – February 1917], Doctor's thesis, Tomsk, 2018, 804 p. (In Russ.).
9. Ivanov A. E., Kulakova I. P. Russkaya professura na rubezhe XIX–XX vekov [The Russian Professorate, Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries]. *Rossiiskaya istoriya*, 2013, no. 2, pp. 44–62. (In Russ.).
10. Eremina T. I. Pravovye stimuly professional'noi deyatel'nosti uchenogo sosloviya universitetov Rossiiskoi Imperii [Legal Incentives for the Professional Activity of the Academic Class in Universities of the Russian Empire]. *Pravo i obrazovanie*, 2017, no. 7, pp. 137–148. (In Russ.).
11. Zipunnikova N. N. Pravovoi status ucheno-go v Rossiiskoi Imperii (osobennosti formirovaniya klyuchevykh komponentov) [The Legal Status of a Scientist in the Russian Empire (Specific Features of Key Components Formation)]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 2 (14), pp. 157–166. (In Russ.).
12. Rostovtsev E. A. Stolichnyi universitet Rossiiskoi imperii: Uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Capital University of the Russian Empire: Academic Estate, Society and Power (second half of the 19th – early 20th centuries)], Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2017, 903 p. (In Russ.).
13. McClelland J. C. Autocrats and Academics: Education, Culture, and Society in Tsarist Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1979. 150 p. (In Eng.).
14. Sychev A. A. Transformatsiya «klassa intellektualov» [Transformation of the «Class of Intellectuals»]. *Vedomosti prikladnoi etiki*, 2020, no. 55, pp. 10–19. (In Russ.).
15. Zhukov V. I. Sotsial'nyi status professora v Rossiiskoi i Sovetskoi imperiyakh i v demokraticheskoi Rossii: istoriko-sotsiologicheskaya komparativistika [The Social Status of the Professor in the Russian and Soviet Empires, and in Democratic Russia: Historical-Sociological Comparative Studies]. *Bereginya*. 777. *Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika*, 2016, no. 1 (28), pp. 174–181. (In Russ.).
16. Istomina A. P., Samoylova A. S. Obraz prepodavatelya vysshei shkoly v obshchestvennom soznanii [The Image of a University Teacher in Public Conscience]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2016, no. 9 (4), pp. 226–233. doi 10.22162/2075-7794-2016-26-4-226-233. (In Russ.).
17. Sheregi F. E., Kirillov A. V. Trud prepodavatelya vuza: tvorchestvo ili «vyzhivanie»? [Higher Education Teacher's Labor: Creativity or «Survival»?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, no. 11 (403), pp. 87–98. (In Russ.).
18. Kocourek J., Čočková R. The Quality of University Teachers as One of the Tools of Image Building. *Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference. Vision 2020: Sustainable Economic Development, Innovation Management, and Global Growth*, Madrid, New York, 2017, pp. 2591–2596. (In Eng.).
19. Davoglio T. R., Spagnolo C., Santos B. S. Motivação para a permanência na profissão: A percepção dos docentes universitários. *Psicologia Escolar e Educacional*, 2017, vol. 21, iss. 2, pp. 175–182. (In Port.).
20. Isla-Díaz R., Marrero-Hernández H., Hess-Medler S., Pérez-Monteverde M.-V., Blanco-Freijo M. A. Una mirada longitudinal: ¿Es el «Docentia» útil para la evaluación del profesorado universitario? *RELIEVE – Revista Electronica de Investigacion y Evaluacion Educativa*, 2018, vol. 24, iss. 2, p. 2. (In Spanish).
21. Domański H. Prestiż. Toruń: Uniwersytet im. Mikołaja Kopernika, 2012. 210 s. (In Polish).
22. Osipov G. V. (Ed.). Rossiiskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya [Russian Sociological Encyclopedia], Moscow, Vysshaya shkola, 1998, 672 p. (In Russ.).
23. Domański H. Prestige. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2015. 167 p. (In Eng.).
24. Bogusz R., Nowakowska L., Majchrowska A., Wiechetek M., Piątkowski W., Pawlikowski J. Social Prestige of Internal Medicine. *Polish Archives of Internal Medicine*, 2020, vol. 130, pp. 155–157. (In Eng.).
25. Majchrowska A., Pawlikowski J., Jojczuk M., Nogalski A., Bogusz R., Nowakowska L., Wiechetek M. Social Prestige of the Paramedic Profession. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021, vol. 18, no. 4, article no. 1506, pp. 1–10. (In Eng.).
26. Thomson K. Klíčové citace v sociologii. Hlavní myslitelé, pojmy a témata. Brno: Barrister & Principal, 2004. 267 s. (In Czech).
27. Duffková J., Urban L., Dubský J. Sociologie životního stylu. Plzeň: Vydavatelství a nakladatelství Aleš Čeněk, 2008. 237 s. (In Czech).
28. Šafr J. Multidimenzionální status a jeho inkonzistence v období 1993–2006. *Socioweb*, 2009, vol. 32, no. 9–10, pp. 1–14. (In Czech).
29. Machonin P. Česká společnost a sociologické poznání. Praha: ISV nakladatelství, 2005. 288 s. (In Czech).
30. Bahna M., Džambazovič R. Subjektívna identifikácia vlastnej pozície v stratifikačnom systéme slovenskej spoločnosti. *Sociológia*, 2010, no. 42 (2), ss. 97–112. (In Slovak).
31. Goodman E., Alder N. E., Daniels S. R., Morrison J. A., Slap G. B., Dolan L. M. Impact of Objective and Subjective

Social Status on Obesity in Biracial Cohort of Adolescents. *Obesity Research*, 2003, vol. 11, iss. 8, pp. 1018–1026. (In Eng.).

32. Mantulenko V. V., Yashina E. Z., Ashmarina S. I. Personal Brand of University Teachers in the Digital Age. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, no. 84, pp. 62–70. (In Eng.).

33. Šanderová J. Sociální stratifikace: problém, vybrané teorie, výzkum. Praha: Karolinum, 2004. 172 s. (In Czech).

34. Linhart J., Petrusek M., Vodáková A., Maříková H. Velký sociologický slovník. Praha: Karolinum, 1996. 1606 s. (In Czech).

35. The ILO/UNESCO Recommendation concerning the Status of Teachers (1966) and the UNESCO Recommendation concerning the Status of Higher-Education Teaching Personnel (1997), International Labour Office, Sectoral Policies Department, Geneva, ILO, 2016, 78 p. (In Eng.).

36. Akerlof G., Kranton R. Identichnost' i ekonomika organizatsii [Identity and the Economics of Organizations]. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta*, 2010, vol. 8, no. 2, pp. 107–130. (In Russ.).

37. Senashenko V. S. O prestizhe professii «prepodavatel' vysshei shkoly», uchenykh stepenei i uchenykh zvaniy [On the Prestige of the University Teacher Profession, Postgraduate Academic Degrees and Titles]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2017, no. 2, pp. 36–44. (In Russ.).

38. Luengo M. R., Gutiérrez P. La orientación vocacional y el género. Campo Abierto. *Revista de Educación*, 2003, no. 23, pp. 85–98. (In Spanish).

39. Ferreira A. S., Lima R. Discriminant Analysis in Career Studying «Decision/Indecision»: The Career Factors Inventory (CFI) as a Diagnostic Measure. *The Spanish Journal of Psychology*, 2010, vol. 13, no. 2, pp. 927–940. (In Eng.).

40. Álvarez Hernández J., Aguilar Parra J. M., Fernández Campoy J. M., Sicilia Molina M. El prestigio profesional y social: Determinante de la decisión vocacional. *Revista Española de Orientación y Psicopedagogía*, 2014, no. 25 (2), pp. 40–55. (In Spanish).

41. Valls F. Inteligencia emocional y asesoramiento vocacional y profesional: usos y abusos. *Electronic Journal of Research in Educational Psychology*, 2007, no. 11, pp. 179–200. (In Spanish).

42. Sokolov M. Transformiruyushchie i selektivnye sistemy: issledovanie po sravnitel'noi sotsiologii akademicheskikh rynkov i kar'er [Transformative and Selective Systems: A Study in Comparative Sociology of Academic Markets Careers]. *Voprosy obrazovaniya*, 2019, no. 2, pp. 35–77. (In Russ.).

43. Camacho J. P. Investment Is the Best Cure for Inbreeding. *Nature*, 2001, vol. 413, pp. 479–480. (In Eng.).

44. Weber M. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works], Moscow, Progress, 1990, 808 p. (In Russ.).

45. Ringer F. Zakat nemetskikh mandarinov: akademicheskoe soobshchestvo v Germanii: 1890–1933 [The Decline of the German Mandarins: The German Academic Community, 1890–1933], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2008, 648 p. (In Russ.).

46. Mironov B. N. Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka [The Welfare of the Population and the Revolution in Imperial Russia: XVIII – the Beginning of XX Century], Moscow, Ves' mir, 2012, 844 p. (In Russ.).

47. Gribovskiy M. V. «Tyagost' professorstva»: osobennosti pedagogicheskoi deyatel'nosti universitetskogo prepodavatelya v dorevolutsionnoi Rossii [«Burden of Professorship»: Features of the Pedagogical Activity of an University Lecturer in Pre-Revolutionary Russia]. *Bylye gody*, 2019, vol. 3, no. 53, pp. 1263–1271. (In Russ.).

48. Altbach P., Andrushchak G., Kuzminov Ya., Yudkevich M., Reisberg L. (Eds.). Budushchee vysshego obrazovaniya i akademicheskoi professii: strany BRIK i SShA [The Global Future of Higher Education and the Academic Profession: The BRICs and the United States], Moscow, Higher School of Economics, 2013, 248 p. (In Russ.).

49. Ascheulova N. A., Dushina S. A. Akademicheskaya kar'era molodogo uchenogo v Rossii [Academic Career of a Young Scientist in Russia]. *Innovatsii*, 2012, no. 7 (165), pp. 60–68. (In Russ.).

50. Bondarenko N., Borodina D., Gokhberg L. et al. Indikatory obrazovaniya: 2021 [Indicators of Education: 2021], Moscow, Higher School of Economics, 2021, 508 p. (In Russ.).

51. Denisova-Schmidt E. The End of the Academic Profession in Russia? *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2020, no. 3, pp. 86–95. doi 10.17323/1811-038X-2020-29-3-86-95. (In Russ.).

52. Popova O. I., Barazgova E. S. Imidzh prepodavatelya: mesto i rol' v aktual'nom obrazovatel'nom vzaimodeistvii v rossiiskikh vuzakh [The Image of a Teacher: The Place and Role in the Current Educational Interaction in Russian Universities], Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013, 249 p. (In Russ.).

53. Maseichuk L. I. Primenenie brigadno-laboratornogo metoda v Belorusskom gosudarstvennom universitete [Application of the Brigade-Laboratory Method in Belarusian State University]. *Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya*, 2018, no. 2 (215), pp. 51–53. (In Russ.).

54. Hagurov T. A. Vysshee obrazovanie: Mezhdru sluzheniem i uslugoi [Education between Mission and Service]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2011, no. 4, pp. 47–57. (In Russ.).

55. Gribovskiy M. V., Sorokin A. N. Akademicheskoe svobody i byurokraticheskie uzy prepodavatelya: Rezul'taty polevogo issledovaniya v universitetakh Velikobritanii i Frantsii [Academic Freedoms and Bureaucratic Bonds of the Lecturers: Results of Field Research in British and French Universities]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2019, vol. 23, no. 1–2, pp. 60–71. doi 10.15826/umpa.2019.01-2.004. (In Russ.).

56. Hillbrink A., Jucks R. What my Parents Think I Do – Doctoral Students Assumptions about how Private and Work-related Groups View their Work. *International Journal of Doctoral Studies*, 2019, vol. 14, pp. 465–478. (In Eng.).

57. Igoshin A. N., Cheremuhin A. D., Kurmasheva N. E. Faktory effektivnosti nauchnoi deyatel'nosti sotrudnikov universiteta i ikh vliyanie na sistemu oplaty truda [Factors of Efficiency of Scientific Activity of Scientists and their Interaction with the Labor Payment System]. *Vestnik NGIEI*, 2020, no. 6 (109), pp. 114–128. (In Russ.).

58. Harden R. M., Crosby J. Rukovodstvo AMEE № 20: Khoroshii prepodavatel' – bol'she, chem lektor. 12 rolei prepodavatelya [AMEE Guide No 20: The Good Teacher Is More than a Lecturer – The Twelve Roles of the Teacher]. *Meditinskoe obrazovanie i professional'noe razvitiye*, 2012, no. 4 (10), pp. 27–51. (In Russ.).

Вклад соавторов / Contribution of the authors

Ефимова Галина Зиновьевна – поиск аналитических материалов в отечественных и зарубежных источниках; проведение критического анализа материалов; проведение и анализ экспертных интервью; подготовка окончательной редакции текста.

Грибовский Михаил Викторович – разработка методологической составляющей проведения исследования; формулирование основной концепции исследования; проведение и анализ экспертных интервью.

Galina Z. Efimova – search for analytical materials in domestic and foreign sources; conducting critical analysis of materials; conducting and analysis of expert interviews; preparation of the final text.

Mikhail V. Gribovskiy – development of a methodological component conducting a study; formulation of the basic research concept; conducting and analysis of expert interviews.

Информация об авторах / Information about the authors

Ефимова Галина Зиновьевна – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет; g.z.efimova@utmn.ru; ORCID 0000-0002-4826-2259.

Грибовский Михаил Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет; mgrib@mail2000.ru; ORCID 0000-0001-5000-469X.

Galina Z. Efimova – PhD (Sociology), Associate Professor, Professor of the Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University; g.z.efimova@utmn.ru; ORCID 0000-0002-4826-2259.

Mikhail V. Gribovskiy – Dr. hab. (History), Associate Professor, Professor of the Department of Russian History, National Research Tomsk State University; mgrib@mail2000.ru; ORCID 0000-0001-5000-469X.

